

их семьями. Скорее всего оба летописца использовали редакцию Воскресенской летописи, доведенную до конца августа 1533 г., ведь не логично же описать всю жизнь великого князя, кроме его смерти, и на этом в одном случае окончить летописец, а в другом — с 7042 г. пользоваться новым источником.

Библиотечный I список Воскресенской летописи, найденный А. Е. Пресняковым и уже упоминавшийся мною (ГПБ, F.IV.239), перечисляет бояр, присутствовавших при составлении духовных грамот московских великих князей. Это — часть первой главы введения, не сохранившаяся в других списках. Здесь перечень бояр оканчивается именами из духовной Ивана III, но ничего не говорится о боярах, подписавшихся под духовной (или духовными) Василия III. Это лишний раз подтверждает мысль, что работа над первоначальной редакцией была начата до смерти Василия III. Я говорю «начата», так как введение, часть первой главы которого представляет собой статья о боярах, предшествует тексту летописи, а следовательно, с него и была начата работа составителя.

Во введении к летописи рассказывается о происхождении московских великих князей. Причем о каждом из них говорится по одной схеме: указывается начальный год княжения каждого князя, называются дети, оставшиеся после его смерти. Но описание княжения Василия III дается иначе: приведена дата вступления Василия III на престол, далее должны быть названы сыновья Василия III, оставшиеся сиротами по смерти отца, — Иван и Юрий, однако вместо этого сразу рассказывается о княжении Ивана IV и Елены Глинской.⁵¹ Этот факт указывает на то, что часть, говорящая о княжении Ивана IV, представляет собой приписку, сделанную позже предшествующих строк рукой лица, не сумевшего выкинуть в принцип построения статьи. Первоначально же данная статья оканчивалась указанием на имена детей, оставшихся после смерти Ивана III. Подтверждение этой своей мысли я нахожу в двух кратких летописцах XVI в. (Синодальное собр. №№ 939, 940), составленных на основе первоначальной редакции Воскресенской летописи. Здесь статья о великих князьях оканчивается перечислением сыновей Ивана III.⁵² Из сказанного можно сделать вывод, что работа над первоначальной редакцией была начата еще при жизни Василия III, т. е. до начала декабря 1533 г.

Одним из доказательств того, что существовал свод, доведенный до конца августа 1533 г., может служить следующее: чем ближе мы подходим к названной дате, тем более подробной становится летопись; мы начинаем в ней находить указания не только на год, месяц, и даже не только на день, но и на час события. Количество событий, записанных под каждым годом, увеличивается до 7041 г. (т. е. до конца августа 1533 г.), а затем резко падает. Так, под 7041 г. указаны даты 35 событий, а под 7042 г. (с сентября 1533 г.) — 9 событий. Это позволяет предположить, что автор, записывая события 1533 г., использовал личные воспоминания, подробности событий еще не успели стереться из его памяти. Кроме того, эти данные подтверждают мысль о существовании первоначальной редакции летописи, доведенной до конца августа 1533 г.

Сходство Воскресенской и Львовской летописей прекращается на тех же событиях конца августа 1533 г., на которых, по моему мнению, оканчивалась первоначальная редакция Воскресенской летописи.⁵³ Следовательно, составитель Львовской летописи пользовался редакцией августа 1533 г.

⁵¹ ПСРЛ, т. VII, стр. 238.

⁵² ГИМ. Синодальное собр., № 939, л. 2; № 940, л. 3

⁵³ Ср. ПСРЛ, т. VIII, стр. 284; т. XX, ч. 1, стр. 418